

Э. В. Удальцова

ЕВНАПИЙ ИЗ САРД — ИДЕОЛОГ УГАСАЮЩЕГО ЯЗЫЧЕСТВА

IV—V столетия, полные драматизма и острых социальных конфликтов, занимают особое место не только в истории, но и в идейной жизни ранней Византии. Это была эпоха последней открытой и наиболее ожесточенной схватки двух противоборствующих идеологических систем: угасающего, но еще не сломленного язычества и все более крепнущего христианства. Идейная борьба захватила самые различные слои византийского общества. В нее, разумеется, была вовлечена и византийская духовная элита того времени — философы, писатели, историки, риторы.

В лагере сторонников язычества и приверженцев античной рабовладельческой цивилизации мы находим одного из одаренных ранневизантийских историков — Евнапия из Сард.

Евнапий, малоазийский грек, родился около 345 г. в лидийском городе Сарды. В те годы Сарды еще оставались богатым и оживленным культурным центром, где скрещивались греческие и восточные традиции. Впечатления детства и юности наложили отпечаток на внутренний мир будущего историка — он всю жизнь сохранял особое пристрастие к мистическим восточным культам и терпимость к пестрой многоликой языческой культуре различных народов, населявших империю¹. Выходец из достаточно состоятельной семьи, Евнапий получил превосходное образование в Афинах — последнем центре языческой науки и философии. Ученик и убежденный последователь знаменитого в те годы софиста и философа-неоплатоника Прозересия, умный и способный юноша вскоре постиг тайны античной философии и риторического искусства. Наряду с занятиями философией и риторикой, Евнапий увлекался изучением естественных наук, в особенности медицины, и был не только почитателем, но и другом прославленного медика Орибасия.

Обладая богатыми знаниями в различных сферах науки, Евнапий прослыл среди своих современников ученым мужем и приобрел известность как философ и ритор. Он занимался также литературным трудом. Его перу принадлежат сочинения различ-

ных жанров от исторической прозы до жизнеописания философско-риторического характера².

Наиболее значительным произведением Евнапия был его обширный исторический труд, известный под названием «*Nurompematā historica*», сохранившийся, к сожалению, лишь в отрывках³. Писатель задумал создать свое историческое сочинение, охватывавшее долгий период времени—от смерти императора Клавдия II до 10-го года правления восточноримского императора Аркадия (от 270 до 414 г.), как продолжение популярной в его время «Истории» Дексиппа Афинянина.

По своей композиции, структуре и внутренней логике сочинение Евнапия еще весьма близко произведениям античных авторов. Подобно большинству античных писателей, Евнапий провозглашает тезис о том, что выявление истины всегда было, есть и будет основной задачей историка. Однако Евнапий трезво понимает, как трудно историку быть объективным. Он ясно видит, сколько писателей, заботясь о личной безопасности, принуждены были в своих книгах отзывать с пристрастием об одних и с ненавистью о других. «Пишущий эту историю,— самонадеянно заявляет автор,— не шел этой дорогой; цель его — твердо придерживаться истины»⁴. Заботиться об истине, говорит Евнапий, дело великое, но весьма опасное. Сколько незримых опасностей подстерегает его самого на тернистом пути поиска истины! Евнапия не покидают постоянные тягостные опасения, что и он падет жертвой происков своих политических противников⁵.

Как и другим античным и ранневизантийским авторам, Евнапию не чужда дидактика. Долг историка, по его мнению, поучать читателя: ведь знание событий прошлого поможет юноше сравняться в мудрости со старцем, постигнуть то, чему в истории надо подражать, а чего избегать⁶.

Евнапий — сторонник прагматического освещения истории. Наиболее важным делом историка он считает изложение сути событий, а не простого перечня фактов в их хронологической последовательности. Исходя из этого, Евнапий отводит хронологии в историческом повествовании подчиненную роль.

По сохранившимся фрагментам, конечно, трудно составить представление о мировоззрении писателя в целом и об историко-философской концепции его труда в частности. Отрывки из произведения Евнапия дошли до нас в сильно переработанном виде. Как кажется, некий благочестивый редактор вычеркнул все наиболее гневные и непримиримые выпады языческого историка против христианства. Но и несмотря на это, чувствуется, что сочинение Евнапия проникнуто духом острейшей борьбы языческой и христианской идеологий: автор открыто превозносит язычников и хулит христиан. Идеальная направленность повествования придала ему вполне определенную окраску.

Основной идеей, которая владела писателем, была идея восстановления язычества и противодействия распространению христи-

анской религии. Оселком, на котором в то время проверялись политические симпатии и антипатии того или иного писателя, было отношение к кумиру языческой оппозиции и гонителю христиан — Юлиану Отступнику. И немудрено поэтому, что именно император Юлиан стал главным героем исторического сочинения Евнапия. Действительно, Юлиан был той исторической фигурой, в которой, как в фокусе, сосредоточились и непомерные похвалы его последователей и столь же гиперболизированная хула его политических и религиозных противников. Недаром идеализированный образ Юлиана столь дорог и мил великому историку IV столетия — Аммиану Марцеллину⁷.

Панегирический характер описания Евнапием правления Юлиана был ясен самим византийцам. Ведь уже Фотий заметил, что «история Евнапия составлена почти что для одного восхваления Юлиана».

Ревностный язычник, Евнапий рисует Юлиана, пытавшегося восстановить язычество, как самую выдающуюся фигуру своей эпохи, как крупнейшего государственного деятеля, «...которому род человеческий поклонялся как некоему богу»⁸. «Юлиана, — пишет историк, — не знал я лично, ибо в его царствование был еще ребенком, но любил его, потому что видел общую к нему любовь всех людей»⁹. Прославляя Юлиана, писатель был воодушевлен живым и искренним чувством. Он одарил своего любимца лучшими человеческими качествами: мудростью, добродетелью, храбростью. В труде Евнапия Юлиан предстает добрым и умным правителем. От природы кроткий и снисходительный, он был доступен всем, кто искал его помощи. Его милость простиралась даже на врагов: сила рук и храбрость воина, утверждал император, полезны в бою, но зачастую врагов скорее можно укротить не оружием, а справедливостью, соединенной с властью¹⁰. Юлиан был грозен, по словам историка, лишь для дурных и преступных людей. Он быстро и справедливо творил суд и расправу над виновными, и в его правление «нельзя было уже ни обижать, ни скрываться, обидев кого-нибудь...»¹¹. Справедливость этот император ставил превыше всего и считал источником всех добродетелей. Любовь и преданность солдат сопутствовали Юлиану в его ратных походах. После гибели Юлиана солдаты его легионов с горестью поняли, что равного ему начальника им не найти никогда. Многим, рассказывает Евнапий, Юлиан казался божеством, принявшим человеческий образ. Величием духа равный божеству, он преодолел в себе все слабости человеческой природы. «Он поднялся из бездны волн, увидел небо, узнал, что в нем прекрасно, и, сохранив еще плоть, беседовал с бесплотными»¹².

В восторженных восхвалениях Юлиана чувствуется влияние на Евнапия мистических представлений неоплатонизма и восточных религиозных учений.

Для социально-политических взглядов Евнапия весьма показательна его отношение к императорской власти. Историк считает

императорскую власть необходимой для общества, но она полезна лишь тогда, когда находится в достойных руках. Юлиан был для Евнапия идеалом правителя и, по словам историка, «достигнул царства не потому, что искал царства, но потому, что видел, что человечество имело нужду быть под царской властью»¹³.

Императорская же власть в руках дурных правителей несет великие бедствия государству. «К природе человека, — пишет автор, — бог примешивает что-либо худое; подобно тому, как он дает морским ракам желчь и розам шипы, так во властителях сеет сластолюбие и леность, и хотя цари и могли бы устроить жизнь рода человеческого и соединить его в одно общество, но, обращаясь к тленному, они предаются удовольствиям и не ищут бессмертной славы»¹⁴.

Такими дурными правителями, несущими бедствия народам империи, с точки зрения Евнапия, были христианские императоры Валент, Феодосий I и Аркадий. Особую ненависть питает он к Феодосию. Если Юлиан блистает всеми добродетелями, то Феодосий исполнен самых низких пороков и терзаем необузданными страстями¹⁵.

В правление Феодосия, по словам Евнапия, «наводнение бедствий было так велико, что для подданных империи казалось кровавищем, светлым днем, когда варвары одерживали победу»¹⁶. Овладев великой державой, Феодосий, пишет Евнапий, «доказал справедливость мнения древних, что *власть — великое зло* и что человек во всем может быть тверд и постоянен, но не может вынести своего счастья. Едва достиг он верховной власти, как поступил подобно молодому человеку, который, получив в наследство от отца большое богатство, накопленное бережливостью и честной жизнью, и, завладев вдруг именем, всеми средствами неистово губит то, что ему досталось»¹⁷. Злодею на троне подражали льстецы и приближенные, и в его царствование, горестно замечает писатель, всеобщий разврат приобрел столь великую силу, что начальники приносили населению зло худшее, чем враги¹⁸. В результате дурного правления Феодосия дела римлян пришли в полное расстройство и империи стала грозить гибель.

Придя к такому пессимистическому выводу, историк ищет объяснение столь горестным событиям и находит его в провиденциалистской идее божественного предопределения, понимаемого в античном, а не в христианском духе¹⁹.

Беспощадно бичует Евнапий продажность государственной власти и при Пульхерии, когда «выставлялись на публичную продажу народы для желающих купить управление ими... Законы были не то что непрочнее и тоньше паутины, как говаривал скиф Анахарсис; они рассеивались и разносились по ветру легче праха»²⁰.

Как и у Аммиана Марцеллина, у Евнапия критика верховной власти, политики христианских императоров сочетается с враждебным отношением к низам общества, к народным массам. Так,

например, писатель негодует на то, что при временщике Руфине возвысились лица низкого звания. Они захватывали плодосные и богатые имения почтенных граждан. Руфин сам продавал государственных рабов и вершил по своей воле все судебные дела. «Вокруг него вилась огромная толпа льстецов; а льстецы были из тех людей, которые вчера или третьего дня выбежали из лавочки, чистили отхожие места или мыли пол. Теперь они носили красивые хламиды с золотыми застежками и имели на пальцах печати, оправленные в золото»²¹.

Постоянно ощущая свою избранность образованного римлянина и рафинированного поклонника языческой культуры, Евнапий не желает верить в возрастающую силу христианской религии. Он весь живет еще в языческом прошлом, милом и дорогом его сердцу,

Его религиозно-философские взгляды представляли собой эклектическое соединение неоплатонической философии с различными мистическими верованиями восточных народов. Возможно, Евнапий был посвящен в Эливсинские мистерии. Особенно ярко враждебные христианству настроения Евнапия проявились в его глубоко оппозиционном по своему духу жизнеописании философ-неоплатоников IV в.²² Это сочинение тайло в себе идейный заряд непримиримой ненависти к христианской идеологии²³.

Таким образом, труд Евнапия был смелым обличением пороков византийского правительства в царствование Феодосия I и его ближайших преемников. Он отражал политические устремления языческой интеллигенции, враждебной христианству, связанной со старой римской аристократией и оппозиционной к правлению христианских императоров.

Стиль Евнапия несколько риторичен. Но вместе с тем ему нельзя отказать в меткости характеристик, в силе беспощадного обличения язв современного ему общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II. Berl., 1958, S. 259—261; J. Opeit. Das Nationalitätenproblem bei Eunapios von Sardes. Wiener Studien, 3, 1969.

² A. Mamigliano. Pagan and Christian Historiography in the fourth century. — In: The conflict between Paganism and Christianity in the fourth century. Oxford, 1963.

³ Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 591—599; Excerpta de sententiis, ed. U. Ph. Boissevain. Berolini, 1906, p. 71—103. (далее — *Eunap. Excerpt.*.)

⁴ *Eunap. Excerpt.*, fr. 73.

⁵ *Ibid.*, fr. 83.

⁶ *Ibid.*, fr. 1.

⁷ D. Conduche. Ammien Marcellin et la mort de Julien. Latomus, 24, 1965, p. 369—380; A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965; K. Rosen. Studien zu Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg, 1968.

⁸ *Eunap. Excerpt.*, fr. 1.

⁹ *Ibid.*, fr. 9.

¹⁰ *Ibid.*, fr. 12.

¹¹ *Ibid.*, fr. 18.

¹² *Ibid.*, fr. 25.

¹³ *Ibidem.*

¹⁴ *Ibid.*, fr. 59.

¹⁵ *Ibid.*, fr. 49.

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Ibidem.*

¹⁹ *Eunap. Excerpt.*, fr. 57.

²⁰ *Ibid.*, fr. 87.

²¹ *Ibid.*, fr. 64.

²² Eunapii Vitae sophistarum, rec. I. Giangrande, Scriptores Graeci et Latini Consilio Academiae Lynceorum, ed. Romae, 1956.

²³ G. J. M. Bartelink. Eunape et le vocabulaire chrétien. *Vigil. chr.*, 23, 1969.